

А. М. Ранчин
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
aranchin@mail.ru

АВТОРСКАЯ МЕТАФОРА И ИДИОСТИЛЬ: СЛУЧАЙ БРОДСКОГО

Как писал В. П. Григорьев, «чтобы “освоить язык поэта”, надо, в частности, овладеть “грамматикой” этого “языка”. <...> Выявлена ли, описана ли она филологами с достаточной детализацией хотя бы по произведениям одного только поэта? Известны ли “сопоставительные грамматики” такого рода? Установлены или по крайней мере обсуждались ли принципы составления описательных грамматик для поэтических идиолектов? Нет необходимости множить подобные полуриторические вопросы, чтобы подсказывать читателю один за другим отрицательные ответы на них и обосновывать достаточно очевидную мысль о значительности задачи <...> представить круг проблематики <...> “грамматики идиостиля”» [Григорьев 1983: 3].

Ниже будет рассмотрен один из семантических типов метафор, свойственных поэзии И. Бродского, – «метафоры отождествления» (термин В. П. Полухиной). По характеристике исследовательницы, «[э]то семантический тип, в котором описываемый объект назван и прямо отождествлен с другим объектом по формуле “А есть В”»; В. П. Полухина предлагает для обозначения его грамматической структуры понятие «метафора-копула» [Полухина 2009: 184].

Разберем в качестве примера метафорический ряд в строках из стихотворения «Полдень в комнате»:

Воздух, в сущности, есть плато,
пат, вечный шах, тцета,
ничья, классическое ничто,
гегелевская мечта.

Серию метафор на первый взгляд объединяет, кроме общей синтаксической функции, механизм паронимической аттракции: ПлАТо – ПАТ, [ТШ'ИТа – НИЧ'то], [ТШ'ИТА – м'ИЧ'ТА] (Ш' и Ч' близкие по характеристикам звуки); в последнем случае фонетическое сближение усилено рифмой. Семантические связи: принадлежность к шахматной терминологии (*пат, вечный шах, ничья* – последняя лексема только в этом контексте) и значение отрицания (*ничья, ничто* – при этом первая лексема, существительное, омонимична отрицательному местоимению *ничья*, принадлежащему к одному разряду по значению с *ничто*). Сближение метафор, возможно, основано также на межъязыковой игре: *ничто* по латыни *nihil*, слово, созвучное фамилии философа Гегеля. Определение *классическое*, по-видимому, также подготавливает упоминание о Гегеле (ср. традиционную в советской традиции характеристику этого мыслителя как представителя немецкой классической философии).

На более глубоком уровне устанавливается семантическая корреляция между *ничто*, понятым как философская категория, и именем Гегеля. Интерпретация смыслов всех метафор приводит к обнаружению таких общих сем, как 'беспризнаковость, однообразие, повторяемость / неизменность': *плато* – 'равнина, пространство, лишённое выпуклостей и впадин'; *пат* и *вечный шах* – 'безысходная, повторяющаяся ситуация', *тщета* – 'невозможность изменения', *ничья* – 'отсутствие выигрыша какой-либо из сторон'; плюс *ничья*, трактуемая в рамках омонимии, как отрицательное местоимение, обозначает 'не-принадлежность кому бы то ни было' – ср. *ничто*; *гегелевская мечта* – 'абстракция'. Так Бродский реализует инвариантный для его творчества мотив одиночества лирического я / человека в пространстве, наделяемом абстрактными чертами бытия как такового, и так создается характерная для поэта установка на отстраненно-аналитическое восприятие реальности. Метафора отождествления – выразительная особенность идиостиля поэта. «Философичность» поэзии Бродского проявляется не в использовании метафор отождествления самих по себе (чисто количественно они уступают таким же метафорам у Маяковского и Цветаевой [Полухина 2009: 186], хотя эти данные не вполне показательны, так как не учитывают соотношение с другими типами метафор у этих поэтов и количество метафор на объем учтенных текстов), а в неожиданном «сопряжении далековатых идей», в данном случае – в барочном разнообразии серии означающих, семантика которых при этом парадоксальным образом сводится к абстрактным смыслам. Не случайно воздух, к которому подбирает предикаты поэт, в античной философии был одним из четырех первоэлементов. Как заметил С. Т. Золян, интерпретируя идеи Т. Ван-Дейка: «Поэтическая метафора отличается от языковой тем, что для нее погашение дополнительных сем не обязательно» [Золян 1985: 19]. Однако у Бродского такое погашение как раз происходит. При этом претендующая на понятийную строгость форма сентенции или афоризма вступает в конфликт с метафорической природой предикатов. Одновременно происходит своеобразная метафоризация значения субъекта: воздух, так определяемый, не есть только воздух.

В метафорах-копулах Бродского с семантикой отождествления в функции субъекта (а иногда и в функции предиката) часты лексемы с абстрактным или обобщенным значением: *человек есть испытатель боли*, *Пространство – вещь*. / *Время же, в сущности, мысль о вещи*, *Время есть холод*, *Время есть мясо немой Вселенной* (двойная метафора) и т. д. Было бы интересным и плодотворным установить их процент от общего числа метафор отождествления.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев В. П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников. М., 1983.

Золян Т. С. О соотношении языкового и поэтического смыслов. Ереван, 1985.

Полухина В. П. Больше самого себя: О Бродском. Томск, 2009.